

Смирнов А. П. Введение // МИА No. 80. Труды КАЭ. Т. 3. М., 1960.

А. П. Смирнов

ВВЕДЕНИЕ

Третий том Трудов Куйбышевской археологической экспедиции содержит статьи об исследовании памятников в зоне затопляемой при строительстве Куйбышевской ГЭС, начиная с 1947 г. Среди этих памятников — значительная группа стоянок эпохи поздней бронзы. По изучению их экспедицией была проведена большая работа. Значительное число материалов и обобщающие статьи помещены в I и II томах Трудов экспедиции¹; в III томе публикуются остальные памятники, изученные экспедицией.

Историческая интерпретация исследованного материала дана в ряде статей, напечатанных в «Известиях АН СССР», начиная с 1950 г., и в статье Н. Я. Мерперта во II томе. В настоящем томе помещены материалы, позволяющие любому исследователю проверить исторические обобщения. Как показали раскопки, Среднее Поволжье является зоной стыка степных и лесостепных племен. Уже отмечено в печати, что ряд материалов дает возможность сделать выводы об этнической принадлежности этого населения. Сопоставление с более поздними памятниками и этнографическими данными позволило приписать памятники лесостепи финно-угорским племенам, а южной степной территории — ираноязычным.

Граница между этими племенами на протяжении эпохи бронзы и раннего железа неоднократно менялась. До половины II тысячелетия до н. э. она проходила где-то около р. Черемшана, близ современной границы Ульяновской и Куйбышевской об-

ластей. Приблизительно около половины II тысячелетия до н. э. ираноязычные племена срубной культуры начали продвижение на север, и к самому концу II тысячелетия до н. э. граница установилась вдоль р. Утки, причем отдельные племена проникли на правобережье Камы, довольно далеко на север.

Как установлено исследованиями экспедиции, территория нижней Камы и Казанского Поволжья была заселена племенами приказанской культуры, выделенной рядом исследователей. К сожалению, еще не определены характерные черты данной культуры. Этого определения мы не найдем ни в ранних работах А. В. Шмидта и А. П. Смирнова, ни в более поздних статьях А. Х. Халикова и Н. Ф. Калинина. В ней очень четко выступают элементы срубной культуры и соседней абашевской. На ее поздней стадии появляются черты, типичные для последующей ананьинской культуры, однако продолжают оставаться неясными черты, характерные для самой приказанской культуры.

Новые материалы, публикуемые в настоящем томе, уточняют ряд вопросов, в том числе дают возможность более четко ограничить территорию приказанской культуры, которую одни исследователи доводят на востоке до Вятки, а на западе устанавливают ее границу по правому берегу Волги; другие представляют ее территорию более обширной, включая на восток районы за Вяткой и относя такие памятники, как Луговская стоянка, к той же приказанской культуре. Спорным надо считать включение территории Чувашии в границы распространения этой культуры.

¹ МИА, № 42, 1954; МИА, № 61, 1958.

Все эти вопросы имеют немаловажное значение для изучения самой приказанской культуры и ее соседей; от их решения зависит правильная трактовка последующих культур. Публикуемая в этом томе, в статье А. В. Збруевой, Луговская стоянка и курганы, Зеленовская стоянка II, Гулькинская стоянка и более поздняя (датируемая самым концом предананьинского времени), стоянка Степное Озеро близ Болгар позволяют более точно определить границы приказанской культуры. Материал Луговской стоянки достаточно ясно свидетельствует о существовании к востоку от Вятки другой культуры, с иными специфическими чертами, с наличием материала, подчеркивающего влияние андроновской культуры, и с присутствием некоторых черт, свойственных стоянкам этого времени в Западной Сибири. Сближают приказанскую культуру с Луговской стоянкой только жилища многокомнатного типа, весь же остальной материал настолько своеобразен, что нет никаких причин всю эту большую территорию отводить одним и тем же племенам. Есть все основания предполагать в носителях этих культур предков финно-угорских народов Прикамья.

Вторая группа памятников, публикуемых в настоящем томе, принадлежит срубной культуре, стоянкам и курганам на р. Усе — правом притоке Волги. Часть памятников эпохи бронзы этого района была описана в I и II томах Трудов Куйбышевской экспедиции. В данном томе, в статьях А. Е. Алиховой и Н. В. Трубниковой, публикуются остальные исследованные памятники. Весь материал позволяет говорить о своеобразии этой территории срубной культуры. По-видимому, правобережье средней Волги не было исконной территорией срубной культуры, а, судя по ряду данных, было заселено племенами финно-угорской языковой группы. Около половины II тысячелетия до н. э. племена срубной культуры начали проникать на эту территорию, ассимилируя аборигенов. Своеобразие срубной культуры Самарской луки и бассейна Усы, видимо, объясняется наличием здесь местных финно-угорских племен, поглощенных «срубниками».

Большой интерес представляет материал, происходящий из раскопок поселения у с. Русская Бектяшка близ Сенгиля Ульянов-

ской области, где найден интересный сосуд абашевского типа. Наличие абашевских элементов в этой части Поволжья не один раз отмечалось в литературе. Данная находка еще раз убедительно продемонстрировала роль абашевской культуры в древней истории культуры Поволжья.

Из памятников раннего железного века в данном томе публикуется материал Луговского могильника ананьинской культуры (близ Елабуги, ТАССР), исследованного А. В. Збруевой. Этот могильник принадлежит к тем немногим погребальным памятникам раннего железного века Прикамья, исследование которых отвечает требованиям советской археологической науки. В статье дается характеристика материала, приведены дневниковые данные и иллюстрации. В их число не вошла группа вещей, опубликованных А. В. Збруевой в ее монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху»².

Помимо изучения памятников эпохи бронзы, — вопрос, которому экспедиция уделяла много внимания, — значительные работы проведены по исследованию памятников средневековья. Большое научное значение имеют такие объекты, как раннеболгарское селище близ с. Криуши Ульяновской области (см. статью Н. В. Тухтиной) и раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар (см. статью К. А. Смирнова). Эти два памятника вновь подтверждают высказанную в печати точку зрения об единовременном приходе значительной массы болгар из Приазовья. Новые памятники датируют появление болгар на Волге VIII—IX вв. н. э. и свидетельствуют об ассимиляции пришельцами местного аборигенного финно-угорского населения, заселившего эти места в первые века нашей эры. Ранняя болгарская землянка в урочище Ага-Базар интересна еще тем, что она выявляет нижнюю дату этого болгарского торжища, известного, по-видимому, Ибн-Фадлану, несмотря на то, что некоторые исследователи склонны датировать его поздним временем, относя к XIII—XIV вв. Аналогии, привлеченные автором статьи, указывают на близость культуры волжских и дунайских болгар.

В этом же томе публикуется статья В. Ф. Генинга «Селище и могильник с обря-

дом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождествено в Татарии». Этот исключительный по научной ценности памятник был исследован силами Казанского филиала Академии наук СССР. На селище, относящемся, как убедительно доказано автором статьи, к IV—V вв. н. э., открыта прямоугольная землянка того типа, который характерен для городецкой культуры. Это селище, принадлежащее племенам городецкой культуры,— один из ранних памятников данной культуры на левобережье Волги, относящийся к началу проникновения городецких племен с правого берега на левый. Рождественское селище не единично. К этой же культуре относится ряд поселений левобережья, открытых разведками археологов на Куйбышевском водохранилище в Ульяновской и Куйбышевской областях еще в 1938—1939 гг. Позднее, в 50-х годах, поселения этой культуры были зарегистрированы экспедициями Казанского филиала Академии наук СССР на территории ТАССР.

Из поселений этой культуры наиболее интересно Именьковское городище близ деревни того же названия в Лаишевском районе ТАССР, исследованное 5-м отрядом Куйбышевской экспедиции. Подобным памятникам их исследователями было присвоено наименование именьковской культуры, которая, по мнению Н. Ф. Калинина, принадлежала восточнобуртаским племенам. Едва ли можно согласиться с таким произвольным наименованием. В памятниках типа Рождественского селища или Именьковского городища не выделены специфические черты, которые позволили бы отнести памятники Татарии к особой группе, отделяя ее от городецкой. Этому городищу посвящена статья Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова. В ней читатель найдет источниковедческие данные о всех наблюдениях, сделанных в процессе раскопок. Дата городища установлена по совокупности всех находок. В статье не освещены незначительные остатки болгарских материалов, относящиеся к последующей стадии существования городища.

Наибольшее научное значение имеет Рождественский могильник, открытый на площади селища. Огромная научная ценность его заставила экспедицию опубликовать все дневниковые данные. Этот могильник по обряду погребения аналогичен значительной группе трупосожжений, широко распростра-

ненных на территории к юго-западу и западу от Волги, в области Приднепровья и лесостепи Украины. Такие могильники, известные в археологии под названием «могильники полей погребальных урн», представлены различными группами: зарубинецкой — II в. до н. э.— II в. н. э., черняховский — III—V вв. н. э. и более поздними памятниками волынцевского типа. Исследованный В. Ф. Генингом могильник относится к этой последней категории. По обряду захоронения он занимает особое место и ничем не связан с местным населением.

В настоящее время трудно дать историческую оценку этого памятника, однако предположительно можно высказать следующие соображения: могильник, датируемый VI—VIII вв., относится к эпохе проникновения болгар на Волгу. По-видимому, это движение, обусловленное тяжелой политической обстановкой в степях нашего юга того времени, коснулось не только кочевников болгар из Приазовья, но и населения лесостепной зоны. Вместе с болгарами на север начали проникать племена, оставившие памятники так называемого волынцевского типа. По этническому составу эти племена с большой долей вероятия можно считать древними славянами. Уже на юге болгары и славяне находились в тесных культурных взаимосвязях, о чем можно судить по археологическим и письменным данным. Покойный академик Н. С. Державин высказывал мысль, что на Дунай болгары пришли уже славянизованными. Этот процесс происходил в Приазовье, на что указывают также труды И. Маркварта, М. И. Артамонова и С. П. Толстова³. Здесь, на средней Волге пришельцы попали в среду смешанного финно-угорского населения, в состав которого входили и городецкие племена, а также потомки «пьяноборцев», и ассимилировали их. Об этом процессе ассимиляции свидетельствуют вещи, найденные в погребениях. Помимо керамики, которая по форме напоминает волынцевскую, но вместе с тем имеет и черты местной гончарной техники, встречен ряд бронзовых вещей, несомненно, местного характера. Этот смешанный бытовой комплекс говорит о соединении пришельцев с аборигенами.

³ А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, т. XIX, 1951, стр. 22.

Совершенно особняком стоят более поздние курганы с трупосожжениями, открытые близ с. Балымеры, которые В. Ф. Генинг рассматривает в своей работе, помещая их в один ряд с Рождественским могильником. Между этими могильниками нет ничего общего. Рождественский могильник — грунтовой, без курганной насыпи. Сожжение производилось на стороне, и кальцинированные кости сыпали прямо в могильную яму; рядом с ними кляли вещи Балымерский курганный могильник резко отличается от Рождественского наличием курганных насыпей. Состав находок, как правило, весьма бедный. Исключение составляет один курган, в котором найдено погребение с мечом.

Балымерский могильник в литературе приписывался русам. Археологический материал его вполне соответствует записке Ибн-Фадлана, в которой описано погребение богатого купца руса. По-моему, нельзя ставить в один генетический ряд эти два различных по археологическим признакам погребальных памятника. Точно так же неверно говорить о существовании местного обряда трупосожжения в Прикамье, на основании отдельных, разрозненных наблюдений.

Эти древнеславянские памятники крайне интересны для истории культуры раннего средневековья; археологи должны обратить внимание на установленные экспедицией факты.

Вопрос о тесных культурных связях волжских болгар с русами сейчас довольно подробно разобран археологами. Об этом можно судить по материалам русского квартала в городе Болгаре, открытого Куйбышевской археологической экспедицией⁴. Во II томе Трудов экспедиции отмечено раннее появление русских на берегу Волги; там приведены и исторические факты, подтверждающие это положение. В настоящем томе публикуется материал Березовского поселка, исследованного отрядом Куйбышевской экспедиции. А. Е. Алихова датирует памятник XIII—XIV вв., главным образом по находке монеты XIV в. Данные стратиграфии и ряд отдельных находок не оставляют сомнения в более ранней дате этого поселка. Судя по керамике, аналогичной русской курганной керамике, и учитывая стратиграфию культурного слоя, можно говорить о возникнове-

нии поселка еще в домонгольскую эпоху. В статье приведены интересные данные, указывающие на русскую бытовую обстановку, усматриваемую в характере жилищ, в керамике, в ритуальных вещах.

Большую научную ценность представляет материал могильника на Бабьем бугре, известного по ранним публикациям начала XX в. Производивший тогда его раскопки врач М. М. Хомяков, увидев картину беспорядочного захоронения, отнес могильник к поздним братским могилам.

В результате работ, проведенных в 1947—1948 гг., был открыт городской могильник болгар, имевший 2 слоя — домонгольский и золотоордынский. Этот могильник принадлежал городским низам тогдашнего общества. Только в нескольких могилах были найдены вещи; подавляющее же большинство погребений, в соответствии с мусульманским обрядом, вещей не содержало. При раскопках был собран антропологический материал, обработанный Т. А. Трофимовой. Результаты ее исследования опубликованы в статье «Антропологический состав населения г. Болгара в X—XV вв.»⁵. Т. А. Трофимова считает возможным сопоставить серию черепов из этого могильника с верхнесалтовскими, принадлежавшими приазовским болгарам. Установлена и примесь местных урало-лапоноидных компонентов, которую Т. А. Трофимова относит за счет местного финно-угорского населения, ассимилированного пришельцами.

За последние годы экспедиция провела большую работу по камеральному изучению добытых раскопками материалов; в частности, исследованы остатки металлургического производства. Результаты этой работы были опубликованы в статье А. М. Ефимовой «Черная металлургия города Болгара»⁶; в настоящем же томе помещена статья А. В. Королева и Т. А. Хлебниковой «К вопросу о черной металлургии у волжских болгар», в которой приведен ряд интересных наблюдений и изучены шлифы различных железных вещей, свидетельствующих о высокой культуре металлургии в городах Волжской Болгарии.

Во время работ в с. Болгары, проводившихся ежегодно (кроме 1955—1956 гг.) и

⁴ Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах. КСИИМК, 62, 1956, стр. 141 и сл.

⁵ Антропологический сборник, 1956 (Труды Института этнографии, т. XXXIII), стр. 73 и сл.

⁶ МИА, № 61, 1958 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. II), стр. 292 и сл.

продолжавшихся в 1957 г., было найдено большое число джучидских монет. Результаты определения этого материала, имеющего огромное значение при изучении экономики, были опубликованы С. А. Яниной в I и II томах Трудов Куйбышевской экспедиции⁷. В данном томе тем же автором публикуется определение последних сборов и монет из раскопок 1957 г. Вторая статья С. А. Яниной посвящена куфическим монетам, найденным на территории города Болгара.

1957 г. завершил археологические исследования Куйбышевской экспедиции. В этом году велись раскопки в зоне укрепления берегов, размываемых Большой Волгой. Сов-

местно с Ульяновским музеем исследовалось Криушское селище, значительные работы проведены на Болгарском городище. Изучение материала из этого городища еще не завершено, и результаты будут публиковаться позднее.

В 1957 г. экспедиция работала в составе 3 отрядов под руководством А. П. Смирнова. Болгарский отряд возглавляла сотрудница Казанского филиала Академии наук СССР З. А. Акчурина, ульяновским отрядом руководила безвременно скончавшаяся в 1958 г. И. А. Талицкая. В качестве сотрудников экспедиции работали студенты Казанского государственного университета и Казанского педагогического института. Рабочие привлекались из местного сельского населения, учащихся школ и отпускников.

---

⁷ МИА, № 42, 1954, стр. 424 и сл.; МИА, № 61, 1958, стр. 392 и сл.